

Н.А. Макарова, старший преподаватель кафедры «Теория и история государства и права»
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Ключевые слова: убеждение; принуждение; право; государство; воздействие; метод; соотношение; правомерное поведение.

Аннотация: В статье рассматривается проблема разграничения убеждения и принуждения как методов государственного и правового воздействия на общество, а также соотношение категорий «убеждение», «принуждение» и «понуждение» в юридической науке. Автор приходит к выводу о нецелесообразности введения в научный оборот категории «правовое понуждение».

Стремительно развивающиеся общественные отношения ставят перед юридической наукой все новые и новые задачи. За последние десятилетия произошли существенные изменения в понимании и трактовке многих общественно-политических процессов и природы государственно-правовых явлений. Вместе с тем в качестве ключевых методов правового и государственного воздействия по-прежнему называют убеждение и принуждение.

Однако необходимо заметить, что подходы к исследованию указанных методов не остаются неизменными. Правоведы все больше отходят от классической для отечественной юридической науки негативной оценки метода принуждения, приходят к пониманию взаимосвязанности и неразрывной связи убеждения и принуждения, имеющих одинаковую социальную ценность. Более того, можно вести речь о том, что в условиях современного правового государства «правовая организация изменяет качества принуждения, тем самым во многом сближая его с убеждением» [1, с. 69].

Расценивая указанные изменения однозначно положительно, мы считаем необходимым заметить, что такая тенденция породила еще одну не менее важную теоретическую проблему – проблему разграничения убеждения и принуждения. Причем данная проблема возникает прежде всего там, где встает вопрос о соотношении правового убеждения и правового принуждения, поскольку последнее, в отличие от принуждения государственного не всегда имеет налично-действующий характер.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что далеко не все специалисты считают возможным и необходимым производить логическое разграничение между государственным и правовым принуждением. Например, Д.Г. Нохрин пишет о том, что поскольку в правовом государстве каждое действие властного субъекта должно быть облечено в правовую форму, понятия «государственное» и «правовое» принуждение должны рассматриваться исключительно как тождественные [2, с. 25].

Однако такую позицию едва ли можно считать приемлемой. Так, несмотря на безусловно тесную взаимосвязь права и государства, их отождествление вряд ли было бы воспринято как соответствующее действительности хоть кем-то из современных исследователей. И это далеко неслучайно. Право и государство «идут рука об руку», решают общие цели и задачи, что не мешает им иметь собственные характеристики, функции, механизмы «работы» и прочее. Отсюда, безусловно, можно вести речь и об относительной самостоятельности правового и государственного убеждения и принуждения.

Если исходить из необходимости рассматривать правовое и государственное принуждение как синонимы перед наукой и практикой логичным образом возникает ряд вопросов. Речь, прежде всего, идет о том, как трактовать охранительное воздействие, которое присуще каждой правовой норме в силу ее принудительности, если субъект сделал в той иной степени осознанный выбор в пользу правомерного поведения, то есть если реальное осуществление государственного принуждения не произошло.

Можем ли мы полагать, что в данном случае действует метод убеждения? Думаем, что нет. Указанное утверждение кажется нам верным хотя бы потому, что далеко не все субъекты общественной жизни осознают необходимость и социальную ценность правомерного поведения. Многие по-прежнему ведут себя формально правомерно, опасаясь наказания, осуждения окружающих и т. д. А значит, о формировании убежденности в данном случае говорить нельзя. В итоге получается, что результативное правовое воздействие состоялось, но произошло оно не под влиянием государственного убеждения, ни под влиянием государственного принуждения. Причем данное обстоятельство было замечено не только нами.

В попытке разрешить наиболее сложные проблемные аспекты в соотношении между убеждением и принуждением, исходящими от права и государства, ряд ученых-юристов в качестве методов руководства обществом помимо убеждения и принуждения выделяет также правовое понуждение. Например, Е.А. Цыганкова полагает, что «...под понуждением следует понимать оказание психического воздействия на субъект путем издания правовой нормы, предписывающей обязательное поведение субъекта» [3, с. 40].

При этом ею подчеркивается, что: «В трудах ученых прошлого и настоящего времени понуждение довольно часто отождествляется с психическим принуждением, а сам термин «понудить» трактуется как принудить, заставить что-либо сделать, неволить, силить, подстрекать, понуждать лицо к действиям путем угроз, шантажа, с использованием власти, зависимости понуждаемого». В обоснование указанных выводов Е.А. Цыганкова приводит ссылки на ряд толковых словарей русского языка, в том числе словарей Б. М. Волина, Л.И. Скворцова, В.И. Даля, С.И. Ожегова, Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомирова и др. [3, с. 39–40].

Как мы видим, указанный подход подразумевает, что «правовое понуждение» занимает промежуточное положение между убеждением и принуждением, но поскольку оно опирается на такие методы как: угрозы, шантаж, использование власти и пр. данный метод, на наш взгляд, предстает гораздо более близким к принуждению, чем к убеждению.

Более того, можно вести речь о том, что поскольку понуждение представляет собой «оказание психического воздействия» при помощи «принудительных» методов, семантическая трактовка термина «понуждение» говорит о его близком, по сути синонимичном, характере с категорией «принуждение».

Вместе с тем причины постановки вопроса о наличии некоего промежуточного звена между государственным убеждением и государственным принуждением вполне понятны. В тех случаях, когда объектом анализа становится государственное принуждение, речь, прежде всего, идет о применении мер принуждения к конкретному лицу, в конкретной ситуации, связанной с противоправными проявлениями, значительной угрозой их возникновения, нарушением общественной безопасности.

В тоже время принудительность как один из ключевых признаков права предполагает, что соответствующее воздействие не обязательно носит сугубо физический, как принято говорить в последнее время, налично-действующий характер. Но означает ли это, необходимо введение в научный оборот категории «правовое понуждение»? Полагаем, что нет.

Вопрос о возможности использования термина «правовое понуждение» снимается сам собой, если предположить, что метод принуждения применительно к государству и праву может раскрываться в двух относительно автономных аспектах – правовом и государственном.

Причем на сегодняшний день можно вести речь о первостепенной роли именно правового (психического) принуждения. Соглашаясь с И.В. Максимовым, необходимо подчеркнуть, что метод принуждения прежде всего должен характеризоваться таким образом, чтобы использоваться не как инструмент прямого воздействия, т. е. физического, а косвенного – психического воздействия [4, с. 32]. «Основное назначение метода принуждения состоит в том, чтобы угрозой наступления невыгодных последствий предотвратить нарушение установленных правил» [5, с. 73].

Однако, признавая роль принуждения как инструмента психического воздействия, И.В. Максимов вместе с тем полагает, что декларирование такой цели принуждения как стремление предотвратить нарушение установленных правил угрозой наступления невыгодных последствий приложимо скорее к методу убеждения. По его мнению, невозможность соотнесения указанного механизма с природой принуждения обусловлена тем, что в таком случае принуждение не отвечает критериям наличности, непосредственности и реальности принуждения как фактического государственно-властного воздействия [4, с. 31].

В связи с этим считаем необходимым сделать отсылку к научной позиции И.С. Самошенко, озвученной еще в 60-х годах прошлого века. В статье «Содержание убеждения и принуждения в социалистическом государстве» он отмечает, что средствами специфическими именно для убеждения представляются убеждение именно словом, образом, но не наказанием и другими подобными средствами. Использование таких средств достигает той же цели, что и убеждение (кроме, конечно, специфических для них других целей), но опираются они на иные моменты человеческого поведения (например, страх наказания). Убеждение же осуществляется, к примеру, посредством указания целей и задач в преамбулах нормативно-правовых актов, широкого обсуждения законопроектов, публичной критики наиболее распространенных нарушений законности и т. п. [6, с. 14].

Отсюда алгоритм правового воздействия и осуществления государственной власти схематически может быть показан следующим образом. Прежде всего, государство действует на подвластных методом убеждения.

Далее воздействует психическое принуждение (правовое принуждение) правовой нормы. Затем, в случае необходимости, осуществляется физическое принуждение со стороны соответствующих органов государства. Наконец, вновь оказывает свое действие психическое принуждение как следствие физического принуждения государства [7, с. 26].

Как мы видим, и правовое (психическое) и государственное (физическое) принуждение, несмотря на их тесную взаимосвязь, имеют собственное содержание и значение. Более того правовое принуждение носит первичный характер по отношению к принуждению государственному. Последнее «начинает работать» в том случае, если меры правового принуждения по каким-либо причинам оказались неэффективными.

Теория права и государства как юридическая наука, основной задачей которой по-прежнему является выработка и (или) корректировка категориального аппарата юриспруденции, должна делать это в том числе с учетом правил максимально-возможной доступности и языковой экономии. Отсюда, введение в научный оборот неоправданно большого числа юридических терминов может стать «ахиллесовой пятой» не только юридической практики, которая подчас не способна их усвоить, но и самой науки, снижая теоретическую и практическую ценность юридических исследований. Таким образом, возможность логического разграничения правового и государственного принуждения позволяет ставить вопрос о целесообразности введения в оборот категории «правовое понуждение». Содержание данного явления вполне соотносится с теми категориями, которые уже давно были введены в юридической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козулин А.И. Принуждение в социальном регулировании: правовой аспект // Советское государство и право. 1985. № 3. С. 65–70.
2. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 200 с.
3. Цыганкова Е.А. Принуждение как метод осуществления государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 205 с.
4. Максимов И.В. Административные наказания в системе мер административного принуждения (концептуальные проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 482 с.
5. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.
6. Самошенко И.С. Содержание убеждения и принуждения в социалистическом государстве // Советское государство и право. 1967. № 2. С. 11–19.
7. Королев А.И., Мушкин А.Е. Государство и власть // Правоведение. 1963. № 2. С. 15–26.

THE CORRELATION BETWEEN CATEGORIES “CONVICTION”, “COERCION”, “CONSCIENTIOUSNESS” IN A LEGAL SCIENCE

© 2017

N.A. Makarova, senior lecturers of the cathedra of Theory and History of State and Law
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service Russian Federation, Samara (Russia)

Keywords: conviction; coercion; law; state; influence; method; correlation; lawful conduct.

Abstract: The article is devoted to the correlation between categories “conviction” and “coercion” as the methods of the state and law influence. Author comes to the conclusion that “conviction” and “coercion” are “self-sufficient” methods. For this reason introduction to the legal science category “conscientiousness” is not appropriate.